

Люк сидел в частной столовой Парлемианских апартаментов - шикарном просторном зале с кессонными потолками - и спокойно вкушал свой завтрак. Высокие двери балкона были распахнуты настежь, пропуская утренний свет, рассеивающий душный сумрак темных стен.

- Так, какой у меня титул? - спросил он нерешительно у Вэза Рииса, сидящего с ним за столом вместе с доктором Халлином. Насколько знал Риис, они были единственными людьми на Корусканте, кому Люк доверял.

Ни один из них не ел, разумеется, и было удивительно, как непринужденно при этом теперь чувствовал себя Скайуокер, полностью свыкнувшись с фактом, что в любое время дня огромное количество народа считало необходимостью находиться с ним рядом. Сейчас, кроме Халлина и Рииса, по ту сторону дверей терпеливо стояли два лакея, отвечающие за уборку стола. Слуги не имели права оставаться в комнате, где находится Люк, и они покорно ждали окончания трапезы под наблюдением двух гвардейцев в штатском. Эти гвардейцы были частью "эскорта" Скайуокера, сопровождающего его по всему дворцу - кроме случаев, когда тот встречался с Императором.

Два охранника постоянно несли службу на посту у главного входа в апартаменты и еще четверо располагались в караульном помещении, небольшом проходе между дверями. Почти напротив дверей находился обширный комплекс для штата, который занимали два придворных министра, два адъютанта, три советника, у которых Скайуокер никогда не советовался, гофмейстер, главный дворецкий, три его помощника и два шталмейстера.

Три яруса вниз - связанных с апартаментами изнутри - занимал многочисленный обслуживающий персонал: квартирьеры, повара, домашний штат и мастер гардероба. За исключением слуг большая часть внутреннего штата Скайуокера состояла из военных и экс-военных. Это касалось и всех членов его свиты. Хотя, конечно, очень немногие входили в число его приближенных: его окружение оставалось подчеркнуто небольшим, ограниченным примерно полудюжиной человек, которым он искренне доверял; еще полудюжине позволялось находиться на «как будто близком» расстоянии, чтобы рассеять подозрения Императора.

Ужасно много людей требующих ужасно много сил и мастерства для их организации - для удержания их на расстоянии от командующего, а теперь наследника; что обещало Риису, чьей работой это являлось, массу головной боли в ближайшем будущем. Впрочем, у него было чувство, что его главная проблема вырисовывалась здесь, прямо сейчас...

- Высочество, - ответил Риис просто, обозначая новый титул командующего и ожидая предсказуемой реакции.

Прошло три дня с тех пор, как было сделано официальное объявление, и хотя Скайуокер много не говорил об этом, он явно изо всех сил старался держаться в тени и не привлекать к себе внимания, что было весьма трудно сделать во Дворце и в лучшие времена. Сейчас же непрерывный поток придворных, политических деятелей и военных карьеристов связывался с его секретариатом, прося разрешение на аудиенцию для поздравления молодого наследника. Ни одному разрешение предоставлено пока не было. Множество других существ, знающих его затворнические привычки, решили оставить сообщение или подарки, веря, что это был более благоразумный выбор.

Но ничего из этого не сработало бы, конечно, - ввиду того, что командующий изначально не хотел этого титула, и все подарки, в любом случае, отправлялись в кладовую. Фактически сейчас он первый раз вообще спросил о своем титуле - под влиянием настойчивости Рииса, заявляющего, что определенные дела государства требуют его немедленного внимания,

ссылаясь на ряд все более настоятельных коммюнике, прибывающих из Министерства Протоколов двора.

Поэтому в целом Риис был готов к менее чем восторженной реакции.

Люк практически замер:

- Seriously? Разве это не может быть чем-то не таким... напыщенным?

Риис поднял брови, говоря одновременно и церемонным и непринужденным тоном - который он развил за последние три года. Старше Люка на десять лет, он был принят на его настоящую должность Сэйтм Пестажем и расценивал большую часть своей работы, как подготовку молодого командующего - теперь официального наследника - к его будущему положению.

- Здесь нет никакого выбора, сэ. Это единственный надлежащий вам титул. Император должен быть, конечно, «Величеством», но так как «Величество» является титулом любого правителя Королевских Домов, нужно было сделать какое-то различие, и к тому же «Превосходительство» являлось признанием его предыдущего положения, как Верховного Канцлера. Но как бы там ни было, "Его Императорское Величество" тоже будет верно, что обуславливает правильную форму вашего титула, как "Высочество" - что соответствует титулу любого наследника трона.

Люк нахмурился, пододвигая к себе обратно тарелку; в голосе прорезался провинциальный акцент - как было всегда в подобных ситуациях в качестве некоего средства защиты. Следуя приказу Императора, после почти года уклонения командующий наконец уступил, и наставник по этикету потратил много времени и сил на уничтожение его акцента миров Внешнего Кольца. Но такую старую привычку нельзя было полностью удалить - можно было лишь наложить поверх новую. Акцент Люка усиливался или исчезал в зависимости от того, что он считал уместным, от окружения и настроения на данный момент.

- «Высочество» просто немного... знаете...

Против воли на Люка нахлынули воспоминания о Хане, регулярно называющем Лею «Ваше Высочество».

Риис задушил вздох, раздумывая:

- Возможно, вы могли бы подать прошение, чтобы в официальной документации вы упоминались, как "Наследник". Просьбу можно подвести под разумное основание: что, как и в случае с Императором, необходимы какие-то различия между вами и любым наследным принцем планетарных династий. Этот титул мог бы также использоваться при упоминании вас в третьем лице, что в любом случае входит в общую форму этикета по отношению ко всем находящимся в вашем положении. Признанная форма для любого говорящего с вами напрямую: первый раз при каждой встрече обращаться к вам, как "Ваше Высочество", а впоследствии именовать вас, как "Сэр".

Люк взглянул на Халлина, который выразительно пожал плечами в ответ на отвращение своего друга:

- Кто бы мог подумать, что с этими названиями столько сложностей?

- Разве нельзя меня называть просто "сэр", как это делается сейчас?

- Нет, сэр, - категорично ответил Риис.

- Вы только что сделали это.

- Потому что я уже обратился к вам несколько раз за эту встречу, поэтому теперь я могу использовать "сэр", не нарушая порядка, - разъяснил Риис в своей наиболее наполненной достоинством манере, тоном, не подвергающим никакому сомнению его опыт и знания деталей протокола, полученные за многие годы службы во Дворце - что было несколько удивительно, учитывая, что начинал он службу в военных силах, в войсках императорской гвардии.

Люк откинулся назад, явно испытывая неловкость и беспокойство; официальные манеры Рииса всегда сердили его - напоминая разговоры с Трипио в какой-нибудь паршивый день.

- Это еще ничего, - проговорил Халлин. -

Подожди, когда ты доберешься до вопроса, кто может, а кто не может разговаривать с тобой напрямую, на каком расстоянии к тебе можно стоять - и как входить в твое присутствие, и как оставлять его, - он примолк, видя потрясенный взгляд Люка, но затем, пожав плечами, продолжил извиняющимся тоном: - Позавчера нам преподали всю эту науку.

В крайнем раздражении Люк вскочил со стула, и, видя, как Халлин с Риисом тут же начали подниматься, предупреждающе поднял указательный палец:

- Не вставляйте!

Оба неловко замерли, смотря как новоявленный наследник резко развернувшись уходит в сторону личных комнат. На несколько долгих минут повисла тишина, прерванная в итоге небрежным вопросом Халлина:

- Ну что, теперь ты счастлив?

Усевшийся назад Риис взглянул на датапад, который принес с собой:

- Я еще даже не упомянул о флаге.

- Флаге?

- Он должен выбрать флаг... для того времени, когда он находится в резиденции.

Халлин поднялся и спокойно, с преувеличенной аккуратностью, задвинул на место стул с тяжелой резной спинкой.

- Ты куда? - спросил Риис доктора.

- Думаю, ближайшие несколько часов мне будет лучше обходить Наследника стороной, - объяснил Халлин. - Но удачи с флагом.

На помощь Риису пришла Мара. Он встретил ее, когда она передавала очередное сообщение от Мастера Церемоний и Протоколов Дворца - где-то уже пятое на сегодня - любезное требование выяснить выбор молодого Наследника. Риису пришлось признать, что он пока не нашел правильного момента для поднятия вопроса флага. Мара изогнула тонкие брови и обернулась к его рабочему столу, отыскивая проекты, доставленные из штатных офисов. Она не доходила здоровяку Риису даже до плеча, но ее аккуратная, почти хрупкая и обманчиво не грозная фигурка часто давала ей привилегии в тех ситуациях, в которых Вез не знал, с чего начать.

Постучав в распахнутые двери гостиной, она решительно вошла внутрь, держа в руке большой датапад с уже открытыми на нем проектами. И в своей типичной прямой манере произнесла:

- Ты должен выбрать флаг.

Люк даже не посмотрел на нее, сидя за столом, где он работал и держа перед собой деку и стилус в руке.

- Разве тебе не нужно называть меня Высочеством или кем-то типа этого?

- Вы должны выбрать флаг, Ваше Высочество, - повторила Мара без колебаний.

Нельзя сказать, что новость о том, что Палпатин собрался назвать Люка наследником, которую она услышала за несколько часов до официального провозглашения, абсолютно шокировала ее. Палпатин всегда, в частном порядке, прояснял Маре, что это было его финальной целью, с самого первого раза, когда она увидела Люка - когда его доставили с Беспина без сознания, раненого и избитого. Его путь от пилота Восстания до сподвижника Ситха однозначно был далеко не гладким, и, судя по его недоброй реакции на новости, еще не завершился, но все же он значительно изменился, и эти изменения были высечены в нем, словно в камне, даже она могла видеть это.

- Где Халлин? - спросил в ответ Люк, мгновенно сбивая ее с толку, пока она направлялась к нему.

-Что?

- Халлин. Где Халлин? - выжидательно повторил он тем специфично требовательным тоном, который не мог игнорировать никто, включая Мару.

- Я не знаю. Он нужен тебе?

- Да. Найди его.

Мара развернулась и была уже в трех шагах от двери, когда заколебалась. «О, как он теперь уверен в своей власти - что все собьются с ног, исполняя точь-в-точь его приказы», - непочтительно подумала она. Количество времени, проводимого им во дворце и дворе, независимо от желания, вынудило его учиться использовать все возможные инструменты из доступного арсенала ради достижения своей цели - и его положение и восприятие этого положения людьми, было одним из таких инструментов.

Понимал ли он, что все это - тоже уроки Палпатина, к которым тот принуждал своего преемника? Если и да, то это не останавливало его от их использования; впрочем, Скайуокер всегда был крайне прагматичен.

- Я решу это, - произнесла Мара громко, поворачиваясь обратно и явно собираясь задержаться.  
- А тем временем тебе нужно посмотреть флаги.

Скайуокер поднял брови, перевел взгляд с нее на вошедшего следом Рииса и, ясно видя, что теперь попадает под удар сразу с двух сторон, произнес:

- Риис, найдите Халлина, пожалуйста. Коммандер Джейд, кажется, не способна к этому.

Риис автоматически попятился и вышел из комнаты, отдав четкий поклон и оставляя Люка и

Мара на поле боя наедине. Несмотря на понимание, что она только что потеряла половину своей команды, Мара прошла вперед и положила датапад на стол перед Люком.

- Это флаги. Ты что умрешь, если выберешь один?

Люк вздохнул, отодвигая датапад подальше:

- Нет, не совсем - я выберу попозже.

- Выбери сейчас, и дело будет сделано.

Он сердито взглянул на нее, щуря глаза против утреннего солнца.

- Что, тебя кто-то ждет за дверью, с иглой и ниткой наготове?

Мара невозмутимо села напротив.

- Если я скажу «да», тогда ты выберешь?

- Разве тебе не положено ждать, пока я приглашу тебя сесть?

- Кто тебе сказал такое?

- Риис, и он редко ошибается насчет бессмысленностей протокола, - ответил Люк, пододвигая обратно свой собственный датапад, который Мара умело сдвинула в сторону.

- Ну, кое-что из этого трудно запомнить, - парировала Мара, поворачиваясь к как раз вернувшемуся в комнату Риису.

- Халлин уже идет, Ваше Высочество.

Люк раздражительно посмотрел на него, в какой бы "правильной формулировке" ни звучал его титул, это было невыносимо.

- Думаю, что я запрещаю это правило, прямо сейчас. Никто больше не смеет называть меня так.

Риис обратил к Маре многострадальный взгляд. Она пожала плечами; ей в любом случае не нравилось это название - манерное и вычурное - оно не подходило и не соответствовало ему.

- Ну, раз с этим разобрались, можем мы теперь выбрать флаг?

Люк вздохнул, откладывая свой датапад с подчеркнутым расстройством.

- Зачем?

- Затем, что он должен подниматься перед Главным Дворцом, когда ты находишься в резиденции - как сейчас.

- Seriously?

- Да, - Мара твердо посмотрела ему в глаза.

- Это самая бессмысленная вещь, какую я когда-либо слышал.

- Добро пожаловать во Дворец, - Мара была непреклонна.

Он вздохнул, поворачивая датапад, что принесла Мара, к себе.

- Хорошо. Пусть будет этот.

- Ты не можешь выбрать первый попавшийся.

- Мне нравится... Будет замечательно выглядеть, - неубедительно возразил Люк, вглядываясь в изображение. - У него яркая расцветка и... Что это, черт возьми?

- Это... - Мара наклонилась к проекту флага, читая короткое объяснение под ним, - написано: "Видоизмененный Морской Джек для Центрального Флота, как символ военного статуса Наследника".

Люк покосился на рисунок:

- Это совсем не похоже на Морского Джека.

- Его изменили, - многозначительно повторила Мара, протягиваясь к кнопке перехода к следующему изображению. - Дело в том, что здесь около тридцати проектов. Предполагается, что ты должен выбрать тот, который, по твоему мнению, лучше всего тебя представляет.

- Есть что-нибудь с вомп-крысой? - проворчал Люк.

- Не в дословном переводе, - не удержалась Мара.

Послышался тихий стук, и в комнату вошел Халлин, отвечивая свой обычный безукоризненный поклон, прежде чем взглянуть на Люка и спросить:

- Я полагаю, называть вас Ваше Выс...

- Нет, "Высочество" запрещено, - резко перебил его Люк, не поднимая взгляд. - И то же самое относится к позволению сесть.

Халлин секунду помолчал, затем прошел вперед - его манера резко изменилась, а интонация стала открытой и шутливой:

- Ах, да здравствует господство нормальности - хотя бы здесь.

Люк улыбнулся и поднял голову, Мара искоса стрельнула глазами в сторону Халлина - понимая, что тот делал.

На самом деле она никогда не задумывалась раньше о том, что доктор всегда где-то поблизости от Скайюокера, будь то дворец, флот или любая планета, где он находился в составе имперских сил. Мара считала Халлина просто доктором при исполнении служебных обязанностей, а не частью окружения Люка: почти элита, но не близко приближенный. Впрочем, Люк имел склонность скрывать даже это.

И все же, как бы сильно она не принимала доктора во внимание, именно его легкая и беспечная манера сейчас фактически играючи рассеяла тяжелое настроение Люка, и если у нее еще были какие-то сомнения насчет положения Халлина здесь, то следующие слова Скайюокера разрушили их:

- Халлин сделает это, - объявил Люк, подзывая того жестом.

- Что? - доктор только начал садиться и замер на середине, понимая, что все смотрят не него.

- Подойди и выбери флаг, - сказал Люк, игнорируя резко повернувшуюся к нему Мару вместе с ее возмущенной гримасой.

- Для чего? - спросил Халлин, беспокойно приближаясь - прекрасно зная «для чего» и очень надеясь от этого уклониться.

- Для меня, - сказал Люк, разворачивая датапад.

Испытывая явное неудобство, Халлин нервно взглянул на Мару, пока обходил стол. Затем протянул руку и начал пролистывать разнообразные проекты. Мара же изо всех сил сопротивлялась настойчивому побуждению выхватить у него датапад и треснуть им Скайукера по голове, досадуя, что тот не относится к этому серьезно.

- В самом деле - флаг? - спросил Халлин, словно эхо безразличия Наследника.

- Именно, - заверил его Люк, когда ему в голову пришла мысль: - Выбирай аккуратно - возможно, однажды тебе придется приспустить его.

- С чего бы, - произнес Халлин поспешно-отклоняющим тоном. - Ты уже что-то натворил?

- Пока ничего, - усмехнулся Люк, поворачивая к Маре дразнящий взгляд - понимая, что она кипит от злости. - ничего, что известно Маре, во всяком случае.

Доктор наклонился ближе и передвинул три изображения на экране.

- Этот хорош, со стилизованной рукоятью сейбера напротив двух... это луны или солнца?... И вот на этом с ... Что это? - он указал пальцем на венчик одного из флагов.

Мара скривила губы, и Люк требовательно спросил ее:

- Мара?

Не смотря на Халлина, она выдавила из себя:

- Это лоррик-ива - символ королевского величия. В системе Тета ею принято короновать правителей; по их мнению она олицетворяет лучшие качества лидера - сильная, но гибкая, и никогда не ломается.

- Я не из системы Тета, - решительно отверг Люк.

- Не я проектировала это, - проворчала она.

Однако, когда Мара взглянула на Скайукера, его лицо отражало лишь озорство и развлечение, а не настоящий отпор, что вызвало у нее еще большее раздражение - досаду на то, что ему так легко удастся вывести ее из себя; к тому же ее расстраивало отсутствие у него интереса к своему новому положению и титулу. Она задержала свой взгляд на его глазах, и он коротко усмехнувшись, посмотрел на проекты и высказал наконец обдуманную мысль:

- Мне нравится первый - с солнцами... - он сделал паузу, словно задумавшись, - но не с одним, а с двумя перекрещенными сейберами,

Под упавшими на лоб пронизанными золотом волосами нахмурились темные брови.

- Почему с двумя?

- Мне нравится симметрия, - неопределенно ответил Люк. - И почему бы нам не добавить позади них драгоценный венок Палпатина из лоррик-ивы, чтобы сделать его счастливым?

Глаза Мары сощурились. Палпатин конечно же утвердил три десятка проектов, которые дадут наследнику на выбор, хотя и был уверен, что Люк выберет проект с солнцами, учитывая его происхождение - но Люк был прав: лоррик-ива являлась замыслом его Мастера.

- Как ты узнал? - это было все, что она смогла спросить.

- Ты сказала, что лоррик гибкая, - сказал Люк, поднимаясь и давая понять, что обсуждение закончено, будто утомленный игрой. - То, что гибко - послушно.

Неужели именно это значение Император имел в виду, когда заказывал проект? Мара нахмурилась: он по-прежнему играл в свои игры, даже здесь? Очень похоже на него, да. И так типично для Скайуокера - определить это. Их тесная взаимосвязь с Мастером практически гарантировала, что он распознает любой вложенный смысл, каким бы тонким тот ни был.

- Тогда зачем использовать его? - спросил Халлин, оскорбляясь за Люка, хотя сам Люк казался полностью безразличным - уже отвернувшись, он растеряно взирал на город внизу.

- Потому что мне все равно, дайте ему его пустячную игру. Мне реально плевать.

Мара беспокойно смотрела на проект с двумя солнцами, меньшее из них частично закрывалось большим. Она не слышала слов Люка, что-то волнующе знакомое было в этих изображениях, как будто она видела их когда-то во сне...

Как только он ушел, Мара побежала догонять Халлина. Тот срезал путь, пойдя по официально неполюженному кратчайшему маршруту - через просторный кабинет Люка и дальше по изогнутому коридору со стороны библиотеки. Мара воспользовалась альтернативным маршрутом, проходящим под главным куполом, пытаясь добежать до точки пересечения путей в главном холле раньше доктора, чтобы небрежно там встать, оперевшись на стену, когда Халлин вышел из-за угла. Увидев Мару, он поначалу замедлил шаг, но затем, явно решив вернуться от нее, проследовал дальше.

Не сбивая темп, он миновал безмолвную Мару, явно ощущая на себе неодобрительный взгляд. Ее глаза сузились до изумрудных разрезов, хотя она не двинулась и не заговорила до тех пор, пока он не отошел от нее на несколько шагов, почти дойдя до относительной безопасной зоны холла - более открытой и людной, находящейся под жестким наблюдением и дразнящей своей близостью.

- Это было настоящим представлением, - небрежно произнесла Мара, изучающе глядя на него.  
- Удивительно, что я не понимала этого до сих пор.

- Понимала что? - Халлин остановился и повернулся к ней голову, делая вид, что не понимает, о чем она говорит.

Мара только кивнула:

- Я и говорю - настоящее представление.

- О чем бы это ни было, уверен - вы правы, - уклончиво ответил доктор, надеясь сгладить

ситуацию и собираясь идти дальше.

- Не переусердствуйте, грея свое место, - произнесла Мара, заставляя его замереть на месте.

- Что вы имеете в виду?

Она пожала плечами:

- Я бы не хотела думать, что вы... злоупотребляете положением, ради которого, очевидно, весьма тяжело работали. Это может закончиться... могилой.

Халлин развернулся:

- Думаю, вы спутали меня с кем-то другим; у меня нет никаких амбиций, идущих дальше поддержки друга. И да, я тяжело работал, чтобы получить это положение - поэтому, собственно, я ценю эту дружбу.

- Серьезно? Сегодня была показана настоящая демонстрация вашего влияния, но если она предназначалась мне - я не впечатлилась.

Халлин обрушился на нее, говоря одновременно уязвленным и оскорбленным тоном:

- Вам не приходило в голову, что сегодняшняя угловатость командующего связана с его дискомфортом от нового положения - от того, что он чувствует, как оно навязывается ему и что он не знает, чего Император ждет взамен?

Мара помедлила с ответом на его резкие слова, смутившись очевидной пронизательностью доктора.

- Он не нуждается в вашей защите, - она все же не собиралась отступить.

- В таком случае, на чью защиту он может полагаться, командер - вашу? - презрительно парировал Халлин, и Мара удивилась огню в его глазах - тому, что она никак не ожидала увидеть в небольшом, добродушном докторе.

- Это кажется вам настолько маловероятным? - спросила она, мгновенно понимая, что сделала ошибку.

- Фактически да, - взяв себя в руки, сдержанно ответил Халлин. - Я хотел бы думать, что мы заинтересованы в одном и том же, командер. Я не желаю видеть, что ему причиняют вред - и я полагаю, что вы пытаетесь объяснить мне то же самое. Если это поможет, могу заверить вас, что я искренен в своих обязательствах. И мне бы хотелось сказать, что я думаю то же и о вас... но правда в том, что я не могу этого сделать, не так ли? И я не единственный, кто видит ваш конфликт интересов.

С этой заключительной колкостью он отправился дальше, оставив Мару смотреть ему в спину и удивляться честности его слов. Крошечная улыбка коснулась губ - от осознания забавности ситуации: все равно что щенок пытался предостеречь своим лаем медведя... И отчасти было приятно думать, что у Скайюкера есть кто-то, стоящий на его защите, даже если это всего лишь Халлин.

Она оттолкнулась от стены, задумчиво качая головой. Повода для спокойствия все же не было: некоторые щенки вырастали в домашних собак, а другие - в волков.

- Независимость нужно заработать, - сидя в небрежной позе в тяжелом резном кресле Император не смотрел на своего подопечного, который с устремленным на горизонт взглядом нервно вышагивал вдоль тянущегося ряда окон Палаты Аудиенций, словно запертое в клетке животное.

- Когда? - мальчишка вновь просил разрешения покинуть двор, и вновь ему было отказано. Он отчаянно хотел вернуться на свой корабль, к флоту, и отказ Палпатина провоцировал его к очередным препирательствам, к одному и тому же переигрыванию старых аргументов. Не то чтобы Палпатин возражал: сами дискуссии никогда не были одинаковыми, мальчишка всякий раз умудрялся принести в них новый поворот, особенно, когда он был так расстроен и недоволен, как сейчас.

Тьма удивительно шла ему, он носил ее как вторую кожу. Точно так же, как сшитую на него вручную одежду. То, что когда-то казалось таким неудобным и незнакомым, теперь стало второй натурой. И это по-прежнему очаровывало Палпатина, побуждая его оставлять свое произведение искусства при себе еще на один очередной день, для личного просмотра. Однако признать это вслух означало бы нарушение негласных правил их специфичной игры.

- Когда я буду доверять тебе, - ответил он вместо этого.

- Доверять! - в голосе Люка сквозили ирония и скептицизм. - Вы никогда не будете доверять мне. Попробуйте другую тактику, Мастер, эта не работает.

Палпатин склонил голову набок, ничуть не задетый:

- Чего ты хочешь, джедай? Скажи мне.

- Свободу, - ответил Люк просто.

Император только улыбнулся:

- Свобода - иллюзия.

- Тогда дайте мне иллюзию, - упрямо продолжал Люк.

Палпатин терпеливо покачал головой:

- Ты всегда будешь искать прутья решетки, дитя. Всегда будешь стремиться проверить их. Таков твой характер.

Его покровительственная фамильярность только разжигала раздражение Люка:

- Почему вы всегда говорите загадками? - с досадой бросил он.

- Потому что ты не хочешь слышать правду.

- Потому что я не думаю, что услышу ее от вас, - Люк повернулся к Мастеру, затягивая их сражение еще на один раунд - и расстраиваясь, что позволил спровоцировать себя.

Палпатин только улыбнулся, наслаждаясь игрой. На самом деле у него не было никаких причин оставлять мальчишку во дворце, и они оба знали об этом. Все официальные мероприятия были проведены, длинный список формальных процедур и протоколов полностью соблюден и исполнен, и все же Палпатин оставлял его здесь. По единственной причине - ему приносила удовольствие компания мальчишки, какой бы вынужденной для того она ни была. И

это выбивало Скайуокера из равновесия, как и вся жизнь двора, совершенно прозрачная для него в Силе, несмотря на лицемерные фасады.

Император усмехнулся:

- Черное и белое существует только для пешек в настольных играх. Сила не ограничена такими абсолютами - жизнь не ограничена. Правда не ограничена... И ни то, ни другое не должно ограничивать тебя.

- Есть правильное и неправильное, - не сдавался Люк.

- Да... но ничто не является константой, за которую ты так стараешься зацепиться, и я думаю, ты уже знаешь это. И тем не менее сам создаешь преграды себе - пытаешься судить свои действия согласно простым аллегориям детских сказок. Вселенная слишком сложна, чтобы быть связанной такими понятиями, как "да" и "нет", "правильное" и "неправильное", "свет" и "тьма". Все это только слова.

- Это не слова, это идеи, - не согласился Люк. - Идеалы.

- Идеалы, которые уничтожили джедаев, потому что их принципы оказались нежизнеспособны, ущербны в своей наивной жесткости. Сами джедаи были великими защитниками ценности истории, того, что мы должны учиться на ошибках прошлого, но сами не смогли последовать этому.

- Они отдали жизни, защищая то, во что верили, - непреклонно сказал Люк.

Палпатин вновь склонил голову набок, разрешая этот вызывающий спор, пока он не пояснит все, что хочет.

- Ты был бы удивлен, узнав, как много там было сомнений. Скольким сомнениям подвергались решения Совета. Но они замкнулись на своем пути, они не смогли приспособиться к пониманию того, насколько их принципы несовершенны. А тех немногих, кто пытался что-то изменить, джедаи преследовали. Подвергали гонениям свой собственный вид - за дерзость, которая заключалась в поиске ответов. Но разве это преступление?

Люк испытующе взглянул на Императора своими ярко голубыми глазами:

- И это - правда?

Чуть заметная улыбка отразилась на лице Палпатина - как замечательно, что мальчишка спрашивает это у него. Только одно то, что он задает вопрос, говорило о том, что он готов принять ответ Палпатина... И в этом была победа.

- Правда, - заявил Палпатин без сомнений.

Люк только слегка наклонил свою голову.

- Но нет никакой "правды" - разве не это вы только что сказали мне, Мастер? Все относительно. Все, что вы говорите мне, является просто точкой зрения.

Еще несколько долгих секунд они не сводили друг с друга глаз: непреклонная синь против расчетливой желтой охры. Затем Палпатин откинул голову назад и скрипуче рассмеялся, удивленно и снисходительно.

- Ты слишком хорош в этой игре, дитя, - произнес наконец он. - Я думал, ты не слушаешь меня.

Люк отвел взгляд, чувствуя себя неудобно. Он слушал. Он слушал, чтобы опровергнуть сказанное, но он по-прежнему слушал. Тем или иным образом Палпатин всегда оказывал влияние на него. И это было проблемой: иногда у Люка не было аргументов для возражений, и тогда... - изредка - кое-что проскальзывало мимо всех его отрицаний и доводов, и затем вонзалось и застревало в мыслях.

И это означало... помоги ему Сила, неужели это означало, что он слушает старика? Можно ли поставить тождество между неспособностью найти аргумент и принятием?

Не было ли все это пустым сотрясанием воздуха, все эти бесконечные доводы и жалкая семантика? Отказ принять свое падение разве делал сей факт чуть менее верным? Или же это был простой самообман - худший вид лжи?

Угрюмая неподвижность этого надменного, пещеро-образного зала давила на него. Он ненавидел это место: огромную, непомерную расточительность бесконечных, подобно лабиринту комнат и несчетных растянувшихся анфилад, мертвых и бесплодных, несмотря на свою величественность, отгородившихся от всего живого. Он ненавидел это место - дворец, тюрьму - можно назвать как угодно, не имело значения. Он знал, что это место сделало ему, что было отнято у него внутри этих высоких стен. Что было украдено, оторвано, словно плоть от костей... и что было потеряно, ускользнув сквозь пальцы, словно сухой песок пустыни.

Правда - правда была в том, что он уже упал; он знал все, что он сделал и не мог назвать это ничем иным, кроме как злом. Он знал, что тварь, которая ежилась у его ног и подскакивала с нетерпением и готовностью всякий раз, когда он поднимал руку, была Тьмой. Абсолютной, безграничной, необузданной мощью. И все же иногда - когда он медитировал и инстинктивно протягивался за границы этой неповоротливой корчащейся массы - он все еще ощущал... Свет. Он был вокруг него, как дуновение воздуха, как чистая, прекрасная мелодия, созвучная душе. И он знал - знал абсолютно - что это тоже часть его.

Но когда он слышал непоколебимую уверенность позади скрежещущих слов Палпатина... тот был настолько уверен, что держал Люка в мертвой хватке; эта уверенность катилась от него волнами, заглатывая и душа, формируя действительность, переворачивая и не считаясь ни с чем. В сравнении с нею хрупкая вера Люка чувствовалась бледной и призрачной - настолько выдохшейся и обессиленной, что все его аргументы были лишь бессмысленной игрой, которую оба вели из-за сложившейся пустой формальности. Даже когда Люк не соглашался с Палпатином, он сам смеялся над этим - над дозволенным ему инакомыслием - потому что знал каким незначимым и механическим оно было в действительности. В некотором отношении бороться с этим было хуже и тяжелее, чем с угрозами и болью.

Он хотел верить; хотел думать, что у него по-прежнему есть некая вера, некие убеждения, некие принципы - неважно что искаженные, неважно что порванные и сломанные. Но если в глубине души сам Люк верил, что упал, значит это правда... Или это просто две разные точки зрения: его и Императора?

Что правильно и что нет... Если все - даже правда - субъективно, то как вообще это можно определить? Или он очередной раз заблуждался, позволяя себе эти мысли, лишь бы не стоять перед лицом беспощадной правды? Он покачал головой, потерянный.

По-настоящему потерянный.

- Где все пошло не так? - пробормотал он в холодную темноту ночного города, сверкающего

огнями на горизонте.

И хотя его голос прозвучал чуть громче шепота, Палпатин услышал и ответил – используя любую возможность, чтобы навязать свою волю:

- Нет ничего что было бы не так. За исключением того, что ты по-прежнему ищешь прутья клетки, которой давно не существует. Ты хочешь верить, что если найдешь их и сможешь сломать, ты наконец-то будешь свободен, - Палпатин встал и медленно подошел к Люку, кладя бледные костлявые пальцы ладони на его плечо в жесте пустого заверения, маскирующего потребность контролировать и владеть. - Но ты уже свободен, мой друг. Я говорил тебе как-то, давно, что сделаю все, чтобы освободить тебя. Я сдержал это обещание. Ты находишься именно там, где было предназначено тебе с рождения.

- Тогда почему это ощущается таким неправильным?

- Эта проблема в тебе, дитя, - голос звучал снисходительно и терпимо, как при разговоре учителя с пользующимся его благосклонностью учеником. - Ты проектируешь собственные сомнения на Силу, когда у нее их нет. Ты так решительно отрицаешь истину..., но судьба слишком сложная штука, чтобы бороться с ней. Я не делал тебя ситхом, дитя. Я лишь высвободил то, что уже было в тебе. Ты - сын своего отца, и ты презираешь его за это. Здесь ты можешь выбирать - но твое наследие не преложно. Кровь, бегущая по твоим жилам, неизменна. В этом твоя сила, и именно это вижу я, когда смотрю на тебя. Я вижу Тьму и Судьбу. Ты думаешь, что можешь отказаться от них, отвергнуть, но это Сила в самой ее сущности, первооснове. Это мощь, которая поворачивает галактику, и даже мы не можем бороться с нею. Ты думаешь, что ты отвергаешь меня, но ты борешься с намного большей силой... с той, от которой нельзя отказаться.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1244887>